

Жизнь непосредственно столкнула меня с проблемой круцина в середине 60-х гг., когда мать моей сотрудницы по лаборатории в Институте молекулярной биологии АН СССР заболела раком и ей посоветовали использовать лечение круцином. Вместе с другими сотрудниками лаборатории мы были свидетелями драматической смены надежды на разочарование и в конце концов кончины пациентки. Я нашел знакомых, работавших в институте, производившем круцин, и узнал много фактов, свидетельствующих о сложности процесса производства этого препарата, его нестабильности и неопределенности получаемых результатов.

Статья профессора Я. Л. Раппопорта в журнале «Наука и жизнь» 1988 г., казалось бы, поставила точку на проблеме круцина как медицинского препарата. Однако публикации газеты «Известия» (1996 г.) и журнала «Вопросы истории естествознания и техники» (2000 г.) вновь возвратили нас к этому вопросу, к его политической и научной истории.

В статье Е. Левиной приведены многие неизвестные мне факты этой драматической саги. Особенно интересны подробности подготовки этого политического мини-процесса и сведения о тщательном контроле партийных органов за его проведением. Узнал я и многие неизвестные мне факты, касающиеся научно-медицинской истории круцина. В частности о том, что похожий препарат из трипаномы в течение некоторого времени выпускала французская фирма, ныне существующая и носящая название «Пастер-Мерье-Кэннот». А также и то, что в нашей стране исследования круцина продолжают до настоящего времени.

Из дискуссии, развернувшейся на страницах журнала (№ 1 и 3 за 2000 г. Левина и Каллиникова), стало очевидным существование двух точек зрения на пути дальнейшей разработки проблемы круцина: выявление строго установленной с химической точки зрения природы действующего начала препарата и, как альтернатива этому, усовершенствование процессов получения клеточных экстрактов круцина и поиск оптимальных приемов их использования в противораковой терапии.

Мне как клеточному и молекулярному биологу, ученику В. А. Энгельгардта, заведомо предпочтительным представляется первый подход, требующий интенсивных физико-химических исследований с использованием новейших методов молекулярной биологии и геномики и, желательно широкой кооперации, в том числе международной.

Однако было бы неразумным отрицать возможность использования и второго, преимущественно биологического, подхода. Хочется пожелать успехов авторам, избравшим этот путь для своих исследований.

Во всяком случае, проведенная дискуссия, несмотря на ее местами избыточно эмоциональный характер, может оказаться полезной, так как будет способствовать привлечению внимания к проблеме круцина лиц, ранее ею серьезно не интересовавшихся. Примером сего является заметка автора этих строк.

А. В. Зеленин

ОТВЕТ НА ПИСЬМО В. Д. КАЛЛИНИКОВОЙ

В редакцию поступило письмо В. Д. Каллиниковой (ВИЕТ. 2000. № 3). В связи с этим я считаю необходимым дать пояснения к замечаниям автора письма по поводу моей статьи в первом номере ВИЕТ за 2000 г. «Круцин имеет свою судьбу...» (экспериментальная биология в онкологии: история и современность).

До настоящего времени в обсуждении истории этого исследования и общественно-политических обстоятельств, с ним связанных, было принято рассматривать проблему исключительно с позиции историко-политической и личной драмы ученых, переживших «суд чести» в 1947 г. Однако для истории науки важны не столько социальные аспекты исследовательской деятельности, сколько ее содержание. Мое

базовое образование в области общей биологии и биохимии (биофак МГУ, 1962–1968) и экспериментальный опыт в области молекулярной и клеточной биологии (Институт молекулярной биологии АН СССР, 1967–1984) дают возможность разобраться в биологических вопросах, составляющих предмет предпринятого историко-научного исследования. Выявленные в архивах документы, в том числе и неизвестные автору письма, позволяют обосновать представленные в статье заключения о событиях 1940–1960 гг. Предпринята попытка проанализировать совокупность как внешних, так и внутренних причин, затруднявших дело. Убеждение автора письма в том, что всему виной исключительно чья-то злая воля, не выдерживает критики.

Очень грустно, что глубочайшее сожаление о малой эффективности возобновленных исследований столь интересной в общепрограммическом плане и важной в прикладном отношении проблемы воспринято Валерией Дмитриевной как «агрессия». Нынешние экспериментальные возможности и формы международной кооперации позволяют многократно интенсифицировать процесс исследования. Опубликованные же на сегодняшний день работы (включая и эксперименты, выполненные с моим участием) очень слабы. Мне жаль, но это именно так.

Существенным в письме мне кажется высказанное автором сомнение в правомерности публикации в историко-научном журнале материалов, рассматривающих современное состояние той области знания, которой посвящено историческое исследование. В данном случае это попытка соотнести результаты, полученные 30 и 50 лет назад, с нынешними представлениями о биологии раковой клетки, механизмах клеточной регуляции и т.д. Это принципиальное положение я хотела бы предложить для обсуждения редколлегии. По моему мнению, взгляд историка науки, науки XX в. во всяком случае, не должен быть обращен только в прошлое.

Уместность же опубликования данной статьи в профильном историко-научном журнале вряд ли стоит подвергать сомнению: рассматриваются (хотя и более отстраненно и трезво, чем это делают сами авторы «новых работ по круцину» в статьях мемуарного характера) *история научной идеи и история ее реализации в советское и постсоветское время*.

Очевидно следующее:

Результаты документального анализа не во всем совпадают с легендой, известной из публикаций автора письма. Упомянутые мемуары не содержат сколько-нибудь критического анализа хода исследований в 1940–1960 гг. и не позволяют читателю вынести суждение о том, почему не только в СССР и нынешней России, но и в странах, известных высоким уровнем науки и вековыми демократическими традициями, не реализовано открытие Г. И. Роскина.

Противоречия между автором статьи и оппонентом вовсе не в столкновении интересов, как это пытается представить В. Д. Каллиникова, а в расхождении взглядов на проблему.

Современные данные о системе клеточной сигнализации (новая область биологии клетки, сложившаяся в последние 15 лет) существенно меняют представления о механизмах регуляции роста и деления клеток, в том числе и злокачественных, что дает возможность предполагать (и искать) иные точки приложения компонентов старых трипаносомных препаратов.

Многоплановость проблемы действительно требует многостороннего сотрудничества, эффективность которого возможна только при осуществлении его на паритетных началах. Налет конфиденциальности, а проще говоря, секретности, имеющий явные исторические корни, здесь излишен. Руководителю новых работ по круцину лучше было бы сделать выбор: либо это фундаментальная наука — тогда здесь нет места секретным алгоритмам; либо, если идет разработка технологии, не нужно публиковать в открытой печати результатов экспериментов, которые нельзя повторить, так как не описаны исходные материалы (штамм трипаносомы, состав среды культивирования). Такие публикации не вызывают доверия, не располагают к сотрудничеству и, естественно, не привлекают инвесторов, без участия которых «воз» проблемы по-прежнему будет там, где его оставили Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин.

Автор статьи готов обсуждать эти положения в живой дискуссии в биологической аудитории, но отказывается отвечать на обвинения типа «распространения агрессии на главную героиню — трипаносому». «Внесения в работу элемента инт-

риги» и т. п. ввиду их абсурдности.

Е. С. Левина